

Э. В. Ломако

г. Минск, Беларусь

СПЕЦИФИКА РАЗРАБОТКИ ЖАНРА АНТИУТОПИИ
В РОМАНЕ О. ХАКСЛИ «ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР»

XX век был веком расцвета жанра антиутопии, породив не одно легендарное произведение. Большинство антиутопий, принимающих форму романа-предупреждения, имеют своей целью проследить за болезненными тенденциями, появляющимися в обществе, и изобразить скорое будущее с учетом их последующего развития. Каждое из таких произведений (и прогнозов,

содержащихся внутри) уникально, как уникален и личный опыт автора. Антиутопии демонстрируют к чему может привести фанатизм и экстремизм в ходе реализации заманчивых проектов, обращают внимание на опасность, которую несет в себе социальный романтизм и безответственность в технократическом обществе, где на фоне высокого развития техники катастрофически отстает развитие нравственного сознания. По мнению А. М. Зверева «антиутопии XX века родились не из теоретических размышлений о вероятном, но из наблюдения над текущим, над историей, ломавшейся круто и драматически. <...> Читая эти книги, мы думаем не о грядущих тысячелетиях, но о том, что день за днем тревожит нас самих. <...> То, о чем нам рассказывают антиутопии, сложно толковать как метафору и очень естественно – как истинное положение дела уже завтра, если что-то коренным образом не изменится в мире» [1, с. 337]. Исторический процесс в антиутопии делится на два отрезка – до осуществления идеала и после. Между ними – катастрофа, революция, переворот или другой разрыв преемственности. Все события происходят в ограниченном от остального мира месте. В антиутопии «конец истории» является точкой отсчета, началом. Очень часто действие антиутопий разворачивается в государстве, жители которого считают его устройство совершенным, в то время как читатель воспринимает его как сатиру. Авторы рисуют жизнь «маленького человека» и показывают, чем расплачиваются за всеобщее мифическое счастье простые обыватели. Власть – абсолютна, часто негуманна, истина непререкаема, невозможны никакие диалоги. Развитие техники достигает невероятных высот, при этом зачастую основное ее предназначение – угнетение и слежка за населением. Страх, гипноз, принуждение к слепому поклонению лидеру и господствующей идеологии – обыденные явления. Предоставляемая информация, свобода мысли всячески ограничиваются, как и одиночество (считается, что оно может способствовать нежелательным и ненужным размышлениям). То же самое касается личных взаимоотношений: естественные для человека проявления чувств к другому не приветствуются, если вовсе не запрещены. Институт семьи обесценивается до предела. Во всех произведениях люди изображаются потерявшими связь с природой, с интеллектуальным наследием человечества, с другими людьми. Они не думают, не чувствуют, говорят о пустых вещах. Лишая человека переживаний, индивидуальных устремлений, возможности познавать мир методом проб и ошибок, его лишают свободы выбора. Романы-антиутопии во многом схожи: каждый автор обеспокоен потерей нравственности и бездуховностью современного поколения. Стремление человека присвоить себе функции Бога и сотворить мир в соответствии с собственными представлениями о благе и счастье приводит к катастрофическим последствиям.

Олдос Хаксли (*Aldous Huxley*, 1894–1963) – писатель, новеллист и философ, один из самых ярких представителей британской культурной элиты, являет собой потрясающее сочетание литературного дарования и учености (в сферу его интересов включена не только литература, но и философия, биология, парапсихология, социология). Всю жизнь Хаксли верил в плодотворный синтез науки и литературы и в своих произведениях пытался охватить обе эти сферы,

одинаково для него интересные. Он является автором изысканной и остроумной антиутопии «Дивный новый мир» (*Brave New World*, 1932), где речь идет о генетически программируемом «обществе потребления» и кошмаре тотальной организации и стандартизации. Еще при жизни писателя многие из его предсказаний начали сбываться, а проблемы, затронутые в романе «Дивный новый мир», – культура потребления, контроль рождаемости, искусственное оплодотворение, пропаганда, наркотики – являются актуальными и для современного общества. В своих произведениях ему удалось не столько предвосхитить, сколько достаточно точно спрогнозировать многие, если не все, существенные приметы и болевые точки современной жизни индивидуума и социума. Хаксли часто оказывался первым в постановке проблемы: он первым заговорил об экономических возможностях новых методов репродукции и генной инженерии, он первым начал размышлять о перспективах, что открывают новые психоактивные вещества психотерапевту, мистика, художнику и даже политику. Все это делает его фигуру уникальной.

В предисловии к изданию романа «Дивный новый мир» 1962 года Хаксли пишет: «Перед нами единственная альтернатива, которая позволяет нам сделать выбор. Либо целый ряд национальных военных и тоталитарных государств, причиной возникновения которых является ужас перед атомной бомбой, а результатом – разрушение цивилизации, или, – если угроза войны будет ограничена, – непрекращающийся милитаризм. Либо же – сверхнациональное, тоталитарное государство, которое, согласуясь с потребностью в эффективности и стабильности, разовьется в военно-тираническую Утопию» [2, с. 69]. На первый взгляд, мир, описанный Хаксли в романе, может действительно показаться совершенным. Здесь нет революций, войн, болезней, нет нищеты, неравенства и даже страха смерти. Человек счастлив в пределах своих возможностей и потребностей: *People are happy; they get what they want, and they never want what they can't get* [3, p. 212]. Но уже при ближайшем рассмотрении становится понятно, что эта «идеальность» скрывает за собой другие, более сложные процессы и взаимоотношения.

Действие романа происходит в Мировом Государстве, которому после кровопролитной девятилетней войны старого и нового миров принадлежит практически весь земной шар, за исключением изолированных территорий, которые было решено отдать под резервации для дикарей (*savage reservations*), а также нескольких островов, куда отправляют инакомыслящих (о чем мы узнаем впоследствии). Жизнь по обе стороны ограждений – в резервации и цивилизации – кардинально отличается. Вот и первое противопоставление – «идеальное» синтетическое государство против мира реального, где пусть и не все счастливы, но обладают куда большей свободой и больше похожи на людей, нежели цивилизованные обитатели «нового мира». Жители резерваций сохраняют прежний уклад жизни, вступают в брак, создают семьи, верят в Бога, почитают предков. Девиз Мирового Государства Хаксли – «общность, одинаковость, стабильность» – напоминает известный лозунг «свобода, равенство, братство», в котором понятие равенства искажается до вынужденной одинаковости, а свободы нет как таковой. Она, как и индивидуальность,

принесена в жертву комфорта и торжества простейших человеческих потребностей – *We prefer to do things comfortably* [3, p. 231]. В этом и заключается трагедия героев романа – мы видим, насколько деградировали эти «абсолютно счастливые» люди, утратившие способность самостоятельно мыслить, любить и делать выбор. Несмотря на внешнюю стабильность мир, изображенный в романе, не статичен. Высокие технологии – в наивысшем расцвете: вертопланы, учреждения, оборудованные по последнему слову техники, немислимые возможности в сфере ощущений, а также в сфере клонирования и искусственного выращивания детей. И хотя научный прогресс достиг пика своего развития, Государство на этом не останавливается, проникая все дальше в человеческую душу, «совершенствуя» и подчиняя ее. Этому служат обязательные для всех воспитанников гипнопедические сеансы.

Кастовое деление – основа общества в «Дивном новом мире», главный залог стабильности и всеобщего удовлетворения жизнью. В романе представлено пять каст: *альфа* – наиболее физически и интеллектуально развитые, занимаются умственным трудом и занимают руководящие должности; *бета* – в плане развития они практически на одном уровне с альфами, выполняют чуть менее сложную работу; *гамма* – обладающие средними умственными способностями и внешними данными, их профессии требуют некоторого интеллектуального напряжения и физического навыка; *дельта* – низкие, почти карлики, выполняющие несложную монотонную работу; *эпсилон* – не обучаемые даже элементарной грамоте полулюди-полуобезьяны, их работа самая грязная, в самых неблагоприятных условиях, либо же совершенно не требующая умственных усилий. Таким образом, все социальные ниши оказываются заняты соответствующими людьми, процесс производства хорошо отлажен, общество эффективно. Секрет эффективности в том, что количество и качественное развитие выведенных индивидов той или иной касты целиком и полностью зависит от правительства и тщательно контролируется им. Так, граждане низших каст продуцируются группами Бокановского в большом количестве. Их развитие может быть искусственным образом замедлено на разных этапах эмбрионального роста в большей или меньшей степени. Обладая разумом, прямо пропорциональным низкому уровню физических и интеллектуальных возможностей, низшие касты не пытаются сравнить себя с другими и не способны оценить свое положение в обществе. Тем, кто в будущем будет отправлен в шахты, прививают инстинктивную ненависть к солнечному свету, в литейные цеха – любовь к жаре. Полученные задатки позже шлифуются курсом гипнопедии – и «личность» сформирована: *Epsilons don't really mind being Epsilons. <...> How can they? They don't know what it's like being anything else. We'd mind of course* [3, p. 70]. Что касается личного пространства героев, то жители Мирового Государства его просто лишены. Конечно, правительство против того, чтобы человек оставался наедине с собой – *We don't encourage them to indulge in any solitary amusements*, – но примечательно, что и сами люди этого не желают [3, p. 154]. Абсолютное большинство впадает в панику, если одиночество застигло их врасплох. Тишину они порываются заглушить радио, а короткий промежуток времени,

проводимый дома, – наркотическим веществом сомой. Дети зачинаются и развиваются до своего рождения в пробирках (*bottles*) Икнубатория, но, если говорить образно, в бутылках проходит и вся их жизнь: *Each one of us, of course, goes through life inside a bottle. But if we happen to be Alphas, our bottles are, relatively speaking, enormous* [3, p. 214]. Бутылка – вот до какого размера сужается масштаб личности жителей «нового мира». Они растут, развиваются физически, но эмоции их остаются на уровне младенца; они – заложники своих импульсов.

Сфера чувственного восприятия и межполовые отношения играют значительную роль в романе Хаксли, что неудивительно, если описывается общество потребления и государство, основанное на принципах гедонистического изобилия и сиюминутного удовлетворения потребностей (в том числе сексуальных). Секс в романе предстает полностью лишенным функции продолжения рода, как и какой-либо эмоционально-чувственной окраски, и служит лишь средством развлечения, отвлечения, физического умиротворения, став из сугубо личного действия максимально обыденным и публичным. Промискуитет не только поощряется властью – это обязанность, укрепляющая стабильность государства. В ответ утопиям, где зачастую жизнь граждан протекает по заведенному образцу, антиутописты также ритуализируют жизнь своих героев – до абсурда. В Мировом Государстве эти ритуалы не возникают из ниоткуда – зачастую традиции «цивилизованные» являются всего лишь калькой традиций и обычаев реального («дикого») мира. Так, жителей Государства не просто лишают искусства и религии, а заменяют все это различными «сходками единения», совместным просмотром «ощущалок» (*feelies*) и массовым приемом наркотика сомы – идеальной субстанции, расслабляющей, вызывающей чувство эйфории и при этом не обладающей побочными эффектами вроде похмелья. Сомы выступает как символ государственного контроля (поскольку ее прием пропагандируется государством, и обычно происходит немедленно при возникновении хоть малейшего чувства смуты или неудовлетворения), власти научно-технологического прогресса над индивидом и, в некотором роде, духовным лекарством. В «дивном мире» есть даже некое подобие религии, где имя Бога заменили именем Форда (Генри Форд как символ эры массового производства и массового потребления), а крестное знамение – Т-образным (отсылка к автомобилю Ford Model T, впервые выпущенному в 1908 году). Различные обряды настолько сильно завладевают жизнью людей, что в конечном итоге отучают их думать самостоятельно. Нелепые названия ритуалов, заменивших религию и искусство (*orgy-porgy, feelies*), глупые гипнопедические слоганы, которыми заполняют сознание (*A gramme is always better than a damn* ‘Сомы грамм – и нету драм!’; *Ending is better than mending* ‘Лучше новое купить, чем старое чинить’; *Was and will make me ill, I take a gramme and only am* ‘Примет сому человек – время прекращает бег. Сладко человек забудет и что было, и что будет’) только усиливают впечатление о массовой деградации, показывая ничтожество людей. Один из героев, Главноуправитель Мустафа Монд, говорит о жителях «дивного мира» как о *Nice tame animals, anyhow* [3, p. 211]. *Tame* можно

перевести как ‘ручной, послушный, покорный, дрессированный’. В этом и есть главный залог успеха Мирового Государства, ведь такими безобидными, прирученными существами управлять намного легче, чем умными и своевольными «дикарями», на все имеющими свое мнение.

Говоря об антиутопическом герое (а в антиутопии протагонист зачастую – человек из «массы», испытывающий неудовлетворение жизнью в современном ему обществе), надо отметить, что у Хаксли таких героев несколько, все они имеют разное происхождение и являются носителями определенных черт характера. Так мы можем увидеть «дивный новый мир» под разными углами. Сначала мы смотрим на него глазами Бернарда, который, несмотря на принадлежность к высшему классу, становится изгоем из-за своей нестандартной внешности (недостаточно высок и широкоплеч для Альфы, жертва распространённого слуха о том, что ему случайно подлили спирта в кровезаменитель в Инкубатории). Бернард чересчур задумчив, меланхоличен, даже романтичен. С момента его появления на страницах романа кажется, что именно он – антиутопический герой. Он с презрением и ненавистью смотрит на окружающих его людей, отказывается принимать участие в «сходках единения», любит быть один, восхищается красотой природы. Но, как выясняется позже, основная причина недовольства Бернарда – чувство зависти и уязвленная гордость. Получив популярность и мимолетное признание, он перестает замечать недостатки жизни в Мировом Государстве. И, в конце концов, не только перестает мечтать о свободе, но и слезно умоляет Главноуправителя не высылать его за пределы «дивного мира». Таким образом, Бернард, хоть и отличается от своих современников, не способен стать настоящим героем-бунтарем. Его друг Гельмгольц тоже чувствует себя не в своей тарелке, но виной тому не собственное несовершенство, а недюжинный интеллект, рождающий сомнения в правильности той жизни, которую ведет общество. Он – верный друг и сильная личность. В отличие от Бернарда, он действительно имеет в себе мужество противостоять режиму и готов работать над собой. Для талантливого Гельмгольца все заканчивается хорошо – его отправляют в ссылку на острова, где живут люди, так же неудобные государству по причине выдающегося ума – *<...> sent to a place where he'll meet the most interesting set of men and women to be found anywhere in the world. All the people who, for one reason or another, have got too self-consciously individual to fit into community-life. All the people who aren't satisfied with the orthodoxy, who've got independent ideas of their own. Every one, in a world, who's any one* [3, p. 218]. Гельмгольцу удается успокоить Бернарда, и в конце концов два друга, примирившиеся и умиротворенные, отправляются на острова для начала новой жизни. В середине романа автор знакомит нас с еще одним персонажем – Дикарем. Его зовут Джон, он – сын Директора Инкубатория, по случайному стечению обстоятельств, – единственный в книге, рожденный естественным путем (его мать потерялась в резервации во время поездки, и Директор, не найдя ее, вернулся домой один). Дикарь родился и вырос в резервации среди индейцев, где, как и Бернард в своем обществе, был изгоем. Он – как губка, впитывающая все духовное, что

есть вокруг. Смешение религий, культур, моральных установок, а также произведения Шекспира формируют характер Джона и помогают ему стать поистине уникальной личностью, способной вступить в конфликт и бороться с системой («благородный дикарь»), но безрезультатно, ведь он одинок в своих моральных убеждениях, в то время как остальные вполне удовлетворены своей бессмысленной жизнью. Поэтому, вполне ожидаемо, что эта неравная борьба заканчивается для Джона трагическим финалом. Не позволив Дикарю уехать на острова вместе с Гельмгольцем и Бернардом, Главноуправитель фактически подписал тому смертный приговор. Джон убегает и поселяется на маяке, планируя жить в одиночестве и молитве, но, будучи однажды замеченным, оказывается в центре внимания толпы. События разворачиваются таким образом, что он оказывается втянутым в оргию единения. Вспомнив об этом наутро, Дикарь, не в силах справиться с потрясением, убивает себя. Главноуправитель Мустафа Монд – тоже не самый обычный представитель «нового мира», очень загадочная фигура. Интеллектуал высокого уровня, увлеченный физик в прошлом, который, по собственным рассказам, отказался от личностных устремлений во имя всеобщего счастья. Для него, как и для многих, должность и власть оказались выше науки и истины, и он действительно верит в правильность системы.

Образ Дикаря – самый многогранный из всех. Он вызывает ассоциации с Христом (религиозность, жертвенность, страдания), Иоанном Крестителем (отшельничество и преследование, смерть из-за красивой девушки), Ромео (его страстная и чистая любовь к Линайне), Отелло (его цвет кожи, нетипичный для резервации, а также нравственные метания из-за неверности любимой женщины), Гамлетом (борьба за справедливость и ревность к любовнику матери). Аллюзии на произведения У. Шекспира – один из важнейших мотивов в романе, имеющий отношение к образу Дикаря. Само название – «Дивный новый мир» – это аллюзия на пьесу «Буря»: *Oh, wonder! / How many goodly creatures are there here! / How beauteous mankind is! O, brave new world, / That has such people in 't!* [4, p. 80]. В романе Хаксли эти слова произносит Дикарь, оказавшись в цивилизованном мире. Он говорит это искренне, но, тем не менее, читатель понимает (а позже и сам Джон), насколько иронична эта строка применимо к Мировому Государству. Язык Шекспира – это призма, через которую Джон видит мир. Автор создает явный контраст между тупой упрощенностью «нового мира» и элегантным, утонченным звучанием жизни времен «до эры Форда». Пьесы Шекспира полны описаний человеческих чувств и отношений, которые в государстве будущего сведены на нет. Чувствовать, сомневаться, страдать и мечтать – в Государстве означает быть несчастным, а по факту – быть человеком.

Таким образом, Хаксли удалось создать действительно многоплановый роман, сочетающий в себе черты антиутопии и научной фантастики. Как автор, одинаково высоко ценящий научное знание и литературный талант, он органично вплетает в повествование по-своему интерпретированные научные теории, иронически гиперболизирует замеченные в современном ему обществе

и культуре тенденции. В произведении затронуты такие темы, как влияние научно-технического прогресса на человека, огосударствление искусства, власть и контроль, индивидуальность и общество, наркотические вещества и их роль в культуре изобилия и потребления, моральный выбор человека. И как бы ни менялся социальный контекст, книга, написанная в первой половине XX века, сохраняет актуальность, «пока не найдено решение труднейшей проблемы такого социального устройства, которое исключает подавление личности во имя неких высших начал целесообразности, на поверку оказывающейся бесконечно далекой от устремлений к истинно справедливому и гуманному миропорядку» [1, с. 345]. В эпоху утраты моральных ценностей и поиска новых значительную роль играет нравственный компонент произведения. Пессимистическая мысль Хаксли о том, что дальнейшее развитие науки и техники будет способствовать массовой дегуманизации, высказанная в 30-е годы XX века, находит отклик в сознании огромного количества читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антиутопии XX века / сост. В. Т. Бабенко ; вступ. ст. З. Геворкяна ; послесл. А. Зверева. – М. : Кн. Палата, 1989. – 348 с.
2. Ланин, Б. А. Литературная антиутопия XX века / Б. А. Ланин ; Рос. акад. образования, Науч-исслед. ин-т общ. сред. образования. – М. : НИИ ОСО, 1992. – 101 с.
3. Huxley, A. Brave New World / A. Huxley. – New York : Harper Perennial, 2006. – 252 p.